

Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны

М. М. Агазаде

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

Аннотация. В статье анализируется общая геополитическая картина на Южном Кавказе в условиях новых реалий, сложившихся после Второй карабахской войны (ВКВ) в 2020 г. Актуальность темы исследования заключается в том, что ВКВ внесла серьезные изменения в баланс сил на Южном Кавказе, изменила в целом региональный геополитический ландшафт, открыв при этом возможности для внутрорегиональных интеграционных процессов. В этой связи, целью настоящего исследования является выявление особенностей этих изменений, а также факторов, повлиявших на региональные процессы после войны. В статье использованы такие методы, как историко-аналитический и историко-генетический методы для выявления основных причин региональных изменений, сравнительно-исторический метод для определения уровня влияния основных игроков на регион, метод контент-анализа, позволивший проанализировать материалы периодических изданий, а также такие принципы, как научная объективность и достоверность. В начале исследования автор дает оценку геополитическим процессам на Южном Кавказе, а затем вкратце рассматривает позицию и политику России, Турции, Ирана, США, ЕС, Китая и Великобритании по региональным вопросам. Исследуются проблемы в осуществлении Кавказской платформы «3+3», для успешной реализации которой, прежде всего, необходимо установление добрососедских отношений между Арменией и Турцией, Арменией и Азербайджаном, а также возобновление российско-грузинских дипотношений. В заключении сделан вывод о том, что Россия, Турция и Иран должны найти общий формат взаимодействия, благодаря которому будет четко определены их зоны сферы влияния в регионе с учетом интересов трех южнокавказских стран. А это, свою очередь, позволит избежать любых столкновений между ними, создаст условия для регионального развития, и поспособствует формированию нового регионального мироустройства путем нахождения общих интересов.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Вторая карабахская война, Кавказская платформа, геополитика, Азербайджан, Иран.

Для цитирования: Агазаде М. М. Геополитическая ситуация на Южном Кавказе после Второй карабахской войны // Постсоветские исследования. 2023;4(6):401-411.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00067, <https://rscf.ru/project/22-78-00067>

The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh war

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

Abstract. The article analyzes the general geopolitical picture in the South Caucasus within the context of the new realities that have developed after the Second Karabakh War in 2020. The relevance of the research topic lies in the fact that the war made serious changes to the balance of power in the South Caucasus and changed the regional geopolitical landscape as a whole while opening up opportunities for intraregional integration processes. In this regard, the purpose of this research is to identify the features of these changes as well as factors affecting regional processes after the war. The article uses such methods as historical-analytical and historical-genetic methods to identify the main causes of regional changes, a comparative-historical method to determine the

level of influence of the main players on the region, a content analysis that allowed analyzing the materials of periodicals, as well as principles such as scientific objectivity and reliability. At the beginning of the study, the author gives an assessment of the geopolitical processes in the South Caucasus and then briefly examines the position and policy of Russia, Turkey, Iran, the USA, the EU, China, and the UK on regional issues. The research examines the problems in the implementation of the 3+3 format Caucasus regional platform, for the successful realization of which, first of all, it is necessary to establish good neighborly relations between Armenia and Turkey, Armenia and Azerbaijan, as well as the resumption of Russian-Georgian diplomatic relations. The conclusion is made that Russia, Turkey, and Iran should find a common format of interaction, thanks to which their zones of influence in the region will be clearly defined, taking into account the interests of the three South Caucasian countries. And this, in turn, will avoid any clashes between them, create conditions for regional development, and contribute to the formation of a new regional world order by finding common interests.

Keywords: South Caucasus, Second Karabakh War, Caucasian regional platform, geopolitics, Azerbaijan, Iran.

For citation: Mirmehdi M. Aghazada. The geopolitical situation in the South Caucasus after the Second Karabakh War // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;4(6):401-411. (In Russ.).

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 22-78-00067), <https://rscf.ru/project/22-78-00067>

На современном этапе геополитическая динамика на глобальном уровне стремительно меняется, и этот международно-политический процесс ускорился после пандемии COVID-19. Учитывая тот факт, что региональные и глобальные геополитические процессы взаимосвязаны, особое внимание привлекает роль отдельных стран, способных влиять на региональную динамику геополитических процессов.

На фоне украинского кризиса одним из самоутвержденных для мировой политики регионов постсоветского пространства выступает Южный Кавказ (ЮК), в котором сталкиваются интересы как региональных, так и ведущих игроков в связи с его богатыми природными ресурсами, возможностями стать транспортным узлом и ролью «моста» между Востоком и Западом, а также Севером и Югом. Более того, ЮК, граничащий с такими странами как Россия, Турция и Иран, которые имеют имперское прошлое и воевали веками за его обладание, в современную эпоху стал ареной соперничества не только региональных, но и глобальных геополитических держав. Однако борьба за влияние на регион отталкивает его в хаос, что и угрожает

обеспечению полноценной региональной безопасности и экономическому развитию.

Необходимо также отметить, что сейчас мир переживает фундаментальные изменения, находясь в поисках новой системы международных отношений, которая должна сформироваться в условиях многополярности¹. Эти изменения ужесточают борьбу между глобальными державами, а также позволяют таким средним державам, как Турция и Иран, укрепить геополитическое положение и наращивать влияние путем балансирования между глобальными центрами силы – США, Китаем, Россией, Великобританией и Европейским Союзом (ЕС). Тем самым события, происходящие на Южном Кавказе, где сталкиваются геостратегические интересы вышеуказанных игроков, с одной стороны, оказывают непосредственное влияние, в частности, на формирование нового регионального порядка в треугольнике Россия-Турция-Иран, а с

¹ На самом деле формирование мирового порядка в условиях многополярности не является новым явлением в системе международных отношений, т.к. до Второй мировой войны, почти все мировые и широкие региональные порядки формировались на основе многополярности.

другой, в целом имеют место в процессе формирования новой системы международных отношений.

Южный Кавказ в условиях новых геополитических реалий

44-дневная война между Баку и Ереваном, состоявшаяся с 27 сентября по 9 ноября 2020 г., не только внесла серьезные изменения в расстановку сил на ЮК, но и изменила в целом региональный геополитический ландшафт и открыла перспективы для внутрирегиональных интеграционных процессов. Основными вопросами, занимающими повестку дня региона в поствоенном периоде, являются исполнение подписанного лидерами России, Азербайджана и Армении всех пунктов совместного заявления от 10 ноября 2020 г., демаркация и демилитаризация международно признанных границ между Азербайджаном и Арменией, реализация формата 3+3 «Кавказской платформы», нормализация турецко-армянских отношений. В связи с этим региональные и международные акторы формируют свою политику на ЮК во многом исходя из их подходов к решению вышеуказанных проблем¹.

Наряду с вышеуказанными можно следующим образом охарактеризовать основные параметры, формирующие в целом геополитику Южного Кавказа, сосредоточенные на структурной основе, созданной географическими и историческими факторами. Во-первых, в регионе существуют 3 независимых и международно-признанных государства – Азербайджан, Грузия, Армения, и 3 региональных игрока, без учета интересов которых никаких проектов не осуществляется на ЮК – Россия, Турция и Иран. Во-вторых, располагаясь между Каспийском и Черном морями, ЮК находится на пересечении транспортных маршрутов, и занимает ключевое место в транспортной геополитике Евразии. В-третьих, регион обладает богатыми

природными ресурсами и благодаря географическому расположению служит своего рода «коридором», в частности, для транспортировки углеводородных ресурсов из Каспийского моря и Центральной Азии в Турцию, а через ее территорию в Европу. В-четвертых, регион также является кратчайшим сухопутным маршрутом между Китаем и ЕС, что является важным компонентом во внешней политике Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Для того чтобы оценить общую геополитическую и геоэкономическую ситуацию на ЮК после ВКВ, необходимо пролить свет на политику заинтересованных и активно действующих в регионе сил.

Россия, как ведущий игрок, имеет исторические, военно-политические, торгово-экономические интересы в регионе ЮК. Если в 1990—е гг. российские власти отдавали предпочтение развитию отношений, в основном, с западными странами, то с приходом к власти в 2000 г. В. В. Путина на передний план вышло постсоветское пространство, в т. ч. Южный Кавказ. На сегодняшний день в Абхазии, Армении и Южной Осетии находятся российские военные базы, а миротворческий контингент дислоцирован в Карабахе после ВКВ.

Необходимо отметить, что при российском посредничестве были приостановлены боевые действия между Азербайджаном и Арменией, удалось стабилизировать ситуацию в рамках трехстороннего диалога [Крылов, 2021: 160], и подписано совместное заявление 10 ноября 2020 г., для реализации всех пунктов которого впоследствии подписались лидерами трех стран заявления от 11 января 2021 г.², 26 ноября 2021 г.³ и 31 октября

¹ С. Veliyev. Karabağ Zaferi'nin birinci yılında güney Kafkasya // URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/karabag-zaferinin-birinci-yilinda-guney-kafkasya/2415647> (дата обращения: 24.02.2023).

² Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5606> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5741> (дата обращения: 24.02.2023).

2022 г.¹ В этих заявлениях основное внимание уделялось нормализацию азербайджано-армянских отношений и разблокировке всех экономических и транспортных сетей в регионе, что особенно важно для России в условиях санкций, применяемых коллективным Западом, а также может послужить мощным средством для укрепления российского влияния на ЮК. Однако существуют риски невыполнения достигнутых в рамках перемирия заявлений [Притчин 2021: 156], что усложняет миротворческую деятельность России между Азербайджаном и Арменией.

В целом политика Москвы в отношении армяно-азербайджанского конфликта основывается на транзакционном подходе, не делая различия между Ереваном и Баку несмотря на то, что первый является не только военно-политическим союзником России, но и главным плацдармом для укрепления российского влияния в регионе. Такой внешнеполитический курс наблюдался во время и после ВКВ, что стало причиной неудовольствия армянских властей. Однако этот подход отвечает российским интересам особенно на фоне украинского кризиса, т.к. укрепление отношений с Азербайджаном, который не намерен вступать ни в НАТО, ни в ОДКБ [Пархитко, Курылев, Станис 2020: 25], и проводит сбалансированную политику, имеет большое значение для стабилизации военно-политической ситуации на ЮК.

Победа Азербайджана в ВКВ укрепила позицию Турции на ЮК, тем самым открыв новые возможности для продвижения турецких интересов в Кавказско-каспийском регионе. Присутствие турецких солдат в Совместном российско-турецком центре по мониторингу режима прекращения огня в городе Агдам (Азербайджан) [Perinçek 2020: 127], подписание Шушинской декларации с Азербайджаном 15 июня 2021 г. которая

вывела двусторонние отношения на высший уровень [Агамалиев, Дадабаева, Савичева 2022: 87], углубление турецко-азербайджанских отношений во всех сферах, в частности в области военной и оборонной промышленности, непрерывные совместные военные учения между Турцией и Азербайджаном², в т. ч. с участием Грузии, назначение Бахтияра Эрсай, турецкого генерала, советником Министра обороны Азербайджана, свидетельствуют о растущем влиянии Турции в регионе. Кроме того, встречи, проводимые между представителями турецких и армянских властей для установления добрососедских отношений, превращают Турцию в одну из самых влиятельных игроков в регионе, т.к. нормализация турецко-армянских отношений может привести к еще большему усилению турецкого влияния на ЮК и изменению баланса сил полностью в пользу Анкары.

Одним из новых в последние годы военно-политических явлений стал российско-турецкий тандем в региональных вопросах. Умение найти общий дипломатический язык лидерами России и Турции, несмотря на разногласия исходя из их национальных интересов, отражается и в регионе Южного Кавказа, где у обеих стран есть один союзник (Армения для России, Азербайджан для Турции), один стратегический партнер (Азербайджан для России³, Грузия для Турции) и одна страна, с которой нет дипломатических отношений (Грузия для России, Армения для Турции). Примечательно, что Грузия, с которой у России нет дипотношений, является стратегическим партнером Турции, а Армения, с которой у Турции нет дипотношений, является союзником России. Теоритически такая расстановка сил могла бы превратить регион в зону конфликта между Москвой и Анкарой, однако

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/supplement/5860> (дата обращения: 24.02.2023).

² В 2022 г. Азербайджан и Турция провели 12 военных учений.

³ Подписанная 22 февраля 2022 г. «Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой» на практике еще не вывела двусторонние отношения на союзнический уровень.

Азербайджан, третья страна Южного Кавказа, являясь союзником Турции и стратегическим партнером России, играет стабилизирующую роль между ними [Məmmədov 2018]. Таким образом, соперничество между Москвой и Анкарой не влияет на углубление многоплановых российско-турецких отношений, а наоборот прагматическое двустороннее сотрудничество путем наращивания торгово-экономических связей позволяет регулировать военно-политические процессы на Южном Кавказе, т.к. решение вопросов по дальнейшему развитию региона, в значительной степени, зависит именно от России и Турции и уровня и качества отношений между ними.

По сравнению с Россией и Турцией, Иран является единственным региональным игроком, имеющим дипломатические отношения со всеми тремя странами Южного Кавказа, что позволяет ему стать ключевым региональным экономическим партнером. Однако, несмотря на это, Иран не играет в экономических процессах ЮК заметную роль по причине своей экономической слабости [Атрисангари 2020: 44]. Более того, в отличие от России и Турции, Иран не имеет военного союзника на ЮК, что также ограничивает его действия в военно-политических процессах региона и является основной причиной того, почему Тегеран часто отстает от Москвы и Анкары в региональных вопросах. В целом, из-за того, что значительная часть населения Ирана составляют азербайджанцы, процессы, происходящие на ЮК, в частности, в Азербайджане, касаются национальной безопасности Тегерана. В связи с чем, внешнеполитическая стратегия Исламской Республики в отношении Азербайджана, прежде всего, связана с его внутренними вопросами [Shaffer 2022].

В условиях усложнения глобальной геополитической ситуации на фоне украинского кризиса геоэкономический вес Южного Кавказа значительно возрастает для США и ЕС. Для Вашингтона и Страсбурга регион, прежде всего, является плацдармом для противодействия России и Ирану [Гаджиев 2019: 91], в связи с чем все

южнокавказские страны имеют стратегическое значение.

Азербайджан обладает экономическим и военным потенциалом, играет важную роль в энергетической безопасности трансатлантического пространства, имеет тесные отношения с Израилем, граничит с Россией и Ираном. Неслучайно, что 18 июля 2022 г. между Азербайджаном и ЕС был подписан «Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнерству в энергетической сфере», согласно которому к 2027 г. ежегодный экспорт азербайджанского газа должен достичь 20 млрд. кубометров¹.

Нужно отметить, что все сухопутные транспортные и торговые пути, соединяющие Азию с Европой, проходят через территорию только трех стран – России, Ирана и Азербайджана. Однако в отношении Москвы и Тегерана применяются коллективным Западом санкции, что создает дополнительные сложности в транзите по территориям России и Ирана. А этот фактор увеличивает значимость Баку во внешней политике США и стран ЕС.

Грузия рассматривается США и ЕС как надежный партнер, которая также является черноморским государством, занимает важное географическое положение с точки зрения создания кратчайшего маршрута, соединяющего государства Центральной Азии с Западом. Также энергетические и транспортные линии, идущие с Южного Кавказа на Запад, проходят через территорию Грузии.

Подходы американских властей к развитию отношений с *Арменией*, где находится самое большое американское посольство на постсоветском пространстве, по ряду причин отличаются от подходов к Азербайджану и Грузии. Во-первых, Армения – «уникальная страна для американской внешней политики на Южном Кавказе в силу наличия мощного армянского лобби в США» [Энтина,

¹ Azərbaycan ilə Avropa İttifaqı arasında enerji sahəsində Strateji Tərəfdaşlığa dair Anlaşma Memorandumu imzalanıb // URL: <https://president.az/az/articles/view/56689> (accessed: 24.02.2023).

Наджаров, Давранова, Мелоян 2023: 14] и имеет влиятельную армянскую общину в России и Иране. Во-вторых, после прихода в 2018 г. к власти Н. Пашиняна Ереван взял прозападный курс несмотря на то, что Армения является военным союзником России в отличие от других двух стран ЮК. В-третьих, Армения располагается между Турцией и Азербайджаном и препятствует развитию в Центральной Евразии нового геополитического фактора – тюркского фактора, простирающегося от Китая до Средиземного моря.

А что касается политики ЕС по отношению к Армении, в 2022 г. он активизировал свою политику на ЮК: 6 октября 2022 г. в Праге состоялась встреча лидеров Азербайджана, Армении, Франции с участием Ш. Мишеля, главы ЕС¹; по приглашению армянских властей с 20 октября по 19 декабря 2022 г. функционировала первая миссия ЕС в Армении², а затем в феврале 2023 г. ЕС запустил работу новой миссии в Армении со сроком на 2 года³.

Таким образом, если Азербайджан и Грузия оцениваются США и ЕС, в основном, как «мосты» для транспортировки энергетических ресурсов Каспия и Центральной Азии в Европу, в частности, на фоне отказа от российских энергоносителей, то в силу отсутствия углеводородных ресурсов и географической закрытости, Армения во главе с прозападным лидером рассматривается не только как препятствующий фактор региональным интеграционным процессам, источником региональной напряженности,

но и катализатором центробежных тенденций на постсоветском пространстве.

После роспуска СССР регион Южного Кавказа стал одним из конфликтогенных регионов в системе международных отношений, где кроме крупнейших центров сил и традиционных региональных игроков, к борьбе за установление контроля над региональными и международными коммуникациями, транспортом, инфраструктурой, топливом и другим сырьем подключались и другие государства, среди которых отличается Китай [Narutyunyan 2022: 122]. Результаты ВКВ открывают перспективы для расширения связей между странами ЮК и Китаем, который является одним из новых активно действующих акторов в регионе. 9 пункт совместного заявления от 9 ноября 2020 г., подписанного Россией, Азербайджаном и Арменией, гласит, что все транспортные и экономические связи на ЮК должны быть разблокированы, а также по согласованию Баку и Еревана будет обеспечено строительство новых транспортных коридоров, связывающих Нахичевани, анклавного региона Азербайджана, с его западными районами⁴. Открытие этого коридора⁵ может дать импульс и создать благоприятные условия для торговли между Китаем и ЕС, однако ряд факторов ограничивают интересы и деятельность Китая в регионе: 1) Южный Кавказ представляет небольшой экономический интерес для Пекина в рамках широкой евразийской экономической политики Китая; 2) Межгосударственные конфликты и активное соперничество между региональными игроками усложняют экономическую экспансию Китая на ЮК. В этой связи южнокавказское направление не является приоритетным во внешней политике Китая [Evdalini 2022: 172].

¹ В Праге вновь состоялась встреча лидеров Азербайджана, Армении, Франции и Совета ЕС // URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/v-prage-vnov-nachalas-vstrecha-liderov-azerbajdzhana-armenii-francii-i-soveta-es/> (дата обращения: 24.02.2023).

² Партнерство между Республикой Армения и Европейским Союзом // URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/eu> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Евросоюз запустил работу гражданской миссии в Армении // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17094059> (дата обращения: 24.02.2023).

⁴ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Данный коридор называется Зангезурском / Сюникском коридором. Учитывая геополитические значения для региона, однако, можно назвать его Южнокавказским коридором.

Несмотря на это, все три страны ЮК заинтересованы развивать отношения с Пекином в двустороннем формате не только по той причине, что Китай является сверхдержавой и им нужно заручиться его дипломатической поддержкой на международных площадках, но и также за то, что важными компонентами китайского видения нового мирового порядка являются невмешательство во внутренние дела других стран и поддержка территориальной целостности. А этот фактор, т.е. примат суверенитета, чрезвычайно важный для стран ЮК, поскольку они испытывают либо прямое внешнее военное присутствие на своих территориях, либо преобладающее экономическое влияние со стороны региональных и глобальных держав. Более того, Китай сам испытывает проблемы, связанные с Тайванем, в связи с чем любая поддержка со стороны других стран — нет разницы, какое место они занимают в системе международных отношений, имеет значение для Пекина [Evdalini 2022: 172].

Великобритания является одним из крупнейших инвесторов в каспийские энергоресурсы, в связи с чем поддерживает тесные связи с азербайджанскими властями. Она оказывала дипломатическую поддержку Баку в ходе ВКВ, в т.ч. поставив вето на проект заявления СБ ООН, направленного против Азербайджана [Агазаде 2021: 123]. Однако нужно рассматривать политику Лондона в отношении Азербайджана и ЮК в рамках общей британской стратегии на постсоветском пространстве. В отличие от Китая, который учитывает интересы России на ЮК, британские власти стараются уменьшать российское экономическое и военное влияние в регионе, действуя вместе с турецкими властями. В этом контексте большое значение для британских интересов приобретает Организация тюркских государств (ОТГ), образованной в 2021 г. на базе Тюркского Совета, членами которой являются Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция, Узбекистан (Венгрия, Туркменистан и непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра имеют статус наблюдателя). Наряду с тем, что британцы высоко оценивают роль Баку в обеспечении энергетической безопасности Европы и

расширении транспортных связей в регионе, Азербайджан ими рассматривается также как «мост» и «ключевое звено» в ОТГ, которая должна в будущем иметь военный характер и стать серьезной угрозой для России.

Таким образом, после ВКВ в регионе фактически образовались две геополитические коалиции — Турция-Азербайджан-Великобритания и Россия-Армения-Иран. Кроме того, Азербайджан имеет тесные отношения с Израилем, заинтересованном в сдерживании иранского влияния [Савичева 2022]. Для России ЮК является постсоветским регионом, представляющим критически важный интерес, и вынуждающим ее позиционировать себя основную силу региона. Однако Турция и Иран, в т. ч. США и страны Европы бросают вызов гегемонии России в регионе, помогая Азербайджану, Грузии и Армении диверсифицировать свои внешние торгово-экономические и военные связи. А это, в свою очередь, не дает возможности Москве одной держать под контролем региональные процессы.

Кавказская платформа «3+3»: проблемы и перспективы

Идея создания платформ для решения региональных проблем, установления прочного мира и безопасности на Южном Кавказе не является новой. Еще в 1996 г. с участием президентов Азербайджана, Армении, Грузии и России была подписана в Кисловодске «Декларация за межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе»¹. А на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), состоявшемся в Стамбуле в 1999 г., Г. Алиев, бывший президент Азербайджана, предложил создать пакт, который мог бы охватывать страны Южного Кавказа [Dilaver 2021: 39]. В свою очередь, С. Демирель, тогдашний президент Турции, поддержал эту идею, выдвинув предложение о создании платформы стабильности на

¹ Декларация за межнациональное согласие, мир, экономическое и культурное сотрудничество на Кавказе // <https://docs.cntd.ru/document/901857465> (дата обращения: 25.02.2023).

Кавказе, направленной на содействие региональному миру и экономическому развитию. В целом в конце 1990 – начале 2000-ых гг. в основном озвучивались такие форматы, как 3+3+1 (Азербайджан, Армения, Грузия + Иран, Россия, Турция + США) и 3+3+2 (Азербайджан, Армения, Грузия + Иран, Россия, Турция + США и ЕС).

Если в то время турецкие власти были не против участия западных стран на возможных платформах, то ситуация коренным образом изменилась после того, как в Турции пришла к власти Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с Р. Т. Эрдоганом в 2002 г. Анкара начала громко заявлять о необходимости пересмотра механизмов урегулирования карабахского конфликта и предлагать формат «2+2» (Россия, Армения + Турция, Азербайджан). Однако после грузинских событий 2008 г., Р. Т. Эрдоган сначала предложил формат «2+3» (Турция, Россия + Азербайджан, Армения, Грузия), а позже «3+3», добавив в формат Иран. Тем самым турецкие власти пытались оставить западные страны вне процессов на ЮК, активно сотрудничая с региональными игроками.

Важно отметить, что в том периоде Москва не была заинтересована в реализации этих форматов в силу того, что они оценивались как угрозу для стратегических интересов России на ЮК. Поддержка этих форматов означала бы признание растущего влияния Турции в регионе. Однако после ВКВ в регионе сложилась новая обстановка, в условиях которой Москве необходимо активно сотрудничать с Турцией и Ираном по региональным вопросам, не позволив им при этом увеличить свою долю в региональных процессах. Другими словами, присутствие Турции и Ирана на ЮК вместо активного вмешательства западных стран в регион отвечает российским интересам, поскольку Россия является гегемоном на ЮК и ее интересы учитываются в Анкаре и Тегеране.

Кроме того, в условиях западных санкций в связи с украинским кризисом, во

внешней политике России намечается «поворот» на Восток и Юг. Укрепление взаимовыгодного сотрудничества с региональными державами оказывает содействие реализации региональных торгово-экономических и транспортных проектов, а также способствует появлению новых инициатив с учетом национальных интересов. Астанинский формат является ярким примером того, что власти России, Турции и Ирана умеют установить общую точку соприкосновения, несмотря на конфликтующие интересы между ними. Теперь такой же подход со стороны треугольника Россия-Турция-Иран необходим на ЮК для установления прочного мира и безопасности.

Кавказская платформа «3+3» (Россия, Турция, Иран + Азербайджан, Армения, Грузия), предложенная президентом Турции и поддержанная российскими, иранскими и азербайджанскими властями, вновь стала актуальной после ВКВ. Данная платформа основана на строгой геополитической парадигме, которая исключит вмешательство внерегиональных игроков в ЮК, предусмотрит региональное развитие и даст гарантию от любых враждебных действий. Т.е. реализация данной платформы укрепит взаимную торговлю, превращая ЮК из пространства конфликтов в регион стабильности и мира.

Однако грузинская сторона отказалась от участия в данном формате, несмотря на то, что, по словам МИД России С. В. Лаврова, Грузия может подключиться к переговорам по этому формату без каких-либо предварительных условий¹. Основные причины, из-за которых грузинские власти не намерены принять участие по данному формату, заключаются в том, что Тбилиси не имеет дипотношений с Москвой из-за территориальных конфликтов, а также против ограничения влияния западных держав в регионе.

¹ Лавров: Формат «3+3» не обязывает Грузию менять позиции по России // <https://eodaily.com/ru/news/2022/01/14/lavrov-format-3-3-ne-obyazyvaet-gruziyu-menyat-pozicii-po-rossii> (дата обращения: 25.02.2023).

Реализация этого формата, прежде всего, отвечает интересам России, Турции и Азербайджана. В условиях западных санкций Россия нуждается в новых рынках, и разблокировка всех транспортных сетей на ЮК изменит транспортную геополитику в Центральной Евразии в целом. Для Турции он создаст благоприятные условия для получения прямого доступа к транспортным маршрутам со странами Центральной Азии и расширения турецкого влияния в Кавказско-каспийском регионе.

По словам президента Азербайджана И. Алиева, «благодаря открытию коммуникаций мы можем немедленно увеличить торговый оборот между странами региона, открыть десятки тысяч рабочих мест»¹. В случае полной реализации этого формата Азербайджан получит кратчайший маршрут в Нахичевань, сможет установить дипотношения с Арменией, тем самым будет положен конец армяно-азербайджанскому конфликту.

Данный формат оценивается иранскими властями неоднозначно по той причине, что с одной стороны, он считается удачным, по крайней мере, в нем не рассматривается участия западных стран, и Тегеран старается активно принимать участие в переговорах², а с другой – «3+3» не отвечает национальным интересам Ирана, т. к. реализация этого формата позволит Турции укрепить свою позицию в Кавказско-каспийском регионе, ускорит военно-политический, торгово-экономический процессы между тюркскими государствами в рамках ОТГ. Тем самым появится «тюркский пояс» на северных границах Ирана, что в будущем может создавать угрозу территориальной целостности Ирана, учитывая тот факт, что значительная часть

населения Исламской Республики составляют тюркоязычные народы.

Армянские власти тоже по ряду причин с осторожностью относятся к данному формату. Во-первых, он оценивается как инструмент для формализации турецкого присутствия во всех возможных сферах ЮК³. Более того, усиление Турции, союзника Азербайджана, угрожает суверенитету Армении. Во-вторых, нынешний глава Армении Н. Пашинян ведет прозападную политику, укрепляет отношения в дву-и многостороннем порядке с западными странами. В этих условиях попытка России, Турции и Ирана оставить коллективный Запад вне процессов ЮК может привести к еще большему ослаблению Армении.

В итоге несмотря на то, что вопросы, обсуждаемые в рамках формата «3+3» гораздо значимы, чем двусторонний формат взаимоотношений, в связи с тем, что они касаются перспектив целого региона, для успешной реализации формата «3+3», прежде всего, все-таки необходимо установление дипотношений между Арменией и Турцией, Арменией и Азербайджаном, а также возобновление дипломатических отношений между Россией и Грузией.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что геополитические реалия после Второй карабахской войны на Южном Кавказе требуют новых подходов к региональным вопросам. Перед угрозой усиления западного влияния, в т.ч. на фоне активизации политики США и стран ЕС, миссия которого действует на территории Армении, Россия, Турция и Иран должны найти формат сотрудничества, благодаря которому будет четко определены их зоны сферы влияния с учетом интересов трех южнокавказских стран. Это, с одной стороны, поможет избежать любых столкновений между ними, создаст условия для регионального развития, а с другой,

¹ Prezident: "3+3" regional əməkdaşlıq platforması yaradılrsa, bu, yeni düşmənçilik hərəkətlərinə qarşı əsas zəmanət olacaq" // <https://ordu.az/az/news/199976/prezident---3+3-regional-emekdasliq-platfomasi-yaradilsa,-bu,-yeni-dusmençilik-hereketlerine-qarsi-esas-zemanet-olacaq-> (accessed: 25.02.2023).

² Посол Ирана в России назвал причины участия страны в формате «3+3» // <https://news.ru/world/posol-irana-v-rossii-nazval-prichiny-uchastiya-strany-v-formate-3-3/> (дата обращения: 25.02.2023).

³ Галстян Н. «3+3» – ответить честно? Армения не заинтересована в новом формате регионального сотрудничества, но в этом вопросе будет следовать российской позиции // <https://www.ipg-journal.io/ru/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/3-3-otvetit-chestno-1417/> (дата обращения: 25.02.2023).

способствует установлению нового нахождения общих интересов.
регионального мироустройства путем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Delcour L., Hoffmann K.* The EU's Policy in the South Caucasus // *L'Europe en Formation*. 2018. No 385. P. 7-25.
- Dilaver T.* Bölgesel barış için bölgesel işbirliği: altılı (3+3) platform // *Irs Heritage*. 2021. P. 38-45. <https://irs-az.com/sites/default/files/2022-01/Miras%202021%20%D1%81%D1%82%D1%80.%2038%20-%2045.pdf>
- Evdalini E.* *New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023.
- Harutyunyan A.A.* China-South Caucasus: cooperation in transport and logistics nodes of the Belt and Road // *Modern Oriental Studies*. 2022. Vol. 4. No. 4. P. 112-137.
- Məmmədov F.* Azərbaycan-İran əməkdaşlığı regional təhlükəsizlik kontekstində // Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Strateji Araşdırmalar Mərkəzi, 2018. P. 16-26.
- Perinçek M.* New era in the South Caucasus: The Turkish-Russian Joint Monitoring Center // *Постсоветские исследования*. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 127-129.
- Shaffer B.* Iran's policy toward the Caucasus and Central Asia // *Central Asia-Caucasus Analyst*. 2022. P. 1-8. <https://www.cacianalyst.org/resources/220817-FT-Iran.pdf>
- Агазаде М.М.* Вторая карабахская война: кто на самом деле победитель? // *Постсоветские исследования*. 2021. Т. 4. № 2. С. 119-126
- Агамалиев С.М., Дадабаева З.А., Савичева Е.М.* Контуры Нагорно-Карабахской войны 2020 г: позиции ключевых акторов // *Вопросы истории*. 2022. № 1-2. С. 82-92.
- Атрисангари Ф.* Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 1. С. 32-48.
- Гаджиев К.С.* Геополитические ориентиры США на Южном Кавказе // *Россия и новые государства Евразии*. 2019. № 3 (44). С. 91-106.
- Крылов А.Б.* Южный Кавказ: этапы постсоветской истории // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 2 (51). С. 147-162.
- Пархитько Н.П., Курылев К.П., Станис Д.В.* Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии // *Военная мысль*. 2020. № 7. С. 22-39.
- Притчин С.А.* Вторая карабахская война и ситуация на Южном Кавказе // *Россия и новые государства Евразии*. 2021. № 3(52). С. 153-164
- Савичева Е.М.* Израильско-азербайджанские отношения в контексте геополитической ситуации на Южном Кавказе // В сборнике: Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 20-летию кафедры региональной политики и политической географии, СПбГУ, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2022 года / под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2022. С. 189-197.
- Энтина Е.Г., Наджаров А.М., Давранова С.Б., Мелоян Т.Х.* Военно-политические присутствия США на Южном Кавказе/ М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. https://wp.hse.ru/data/2023/02/05/2045232536/WP21_2023_01____.pdf

REFERENCES

- Aghazada M.M.* Vtoraja karabahskaja vojna: kto na samom dele pobeditel'? // *Postsovetskie issledovaniya*. 2021. T. 4. № 2. S. 119-126
- Agamaliyev S.M., Dadabaeva Z.A., Savicheva E.M.* Kontury Nagorno-Karabahskoj vojny 2020 g: pozicii ključevyh aktorov // *Voprosy istorii*. 2022. № 1-2. S. 82-92.

- Atrisanjari F.* Vneshnjaja politika Irana na Juzhnom Kavkaze: identichnost' i nacional'nye interesy // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2020. T. 22. № 1. S. 32-48.
- Delcour L., Hoffmann K.* The EU's Policy in the South Caucasus // L'Europe en Formation. 2018. No 385. P. 7-25.
- Dilaver T.* Bölgesel barış için bölgesel işbirliği: altılı (3+3) platform // Irs Heritage. 2021. P. 38-45. <https://irs-az.com/sites/default/files/2022-01/Miras%202021%20%D1%81%D1%82%D1%80.%2038%20-%2045.pdf>
- Evdalini E.* New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023.
- Gadzhiev K.S.* Geopoliticheskie orientiry SShA na Juzhnom Kavkaze // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2019. № 3 (44). S. 91-106.
- Harutyunyan A.A.* China-South Caucasus: cooperation in transport and logistics nodes of the Belt and Road // Modern Oriental Studies. 2022. Vol. 4. No. 4. P. 112-137.
- Jentina E.G., Nadzharov A.M., Davranova S.B., Melojan T.H.* Voenno-politicheskie prisutsvie SShA na Juzhnom Kavkaze/ M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2023. https://wp.hse.ru/data/2023/02/05/2045232536/WP21_2023_01____.pdf
- Krylov A.B.* Juzhnyj Kavkaz: jetapy postsovetsoj istorii // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № 2 (51). S. 147-162.
- Məmmədov F.* Azərbaycan-İran əməkdaşlığı regional təhlükəsizlik kontekstində // Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar / ed. by C. Vəliyev, M. Məhəmmədi. Bakı: Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Strateji Araşdırmalar Mərkəzi, 2018. P. 16-26.
- Parhit'ko N.P., Kurylev K.P., Stanis D.V.* Voenno-politicheskoe i voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv Central'noj Azii // Voennaja mysl'. 2020. № 7. S. 22-39.
- Pritchins S.A.* Vtoraja karabahskaja vojna i situacija na Juzhnom Kavkaze // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2021. № 3(52). S. 153-164
- Perinçek M.* New era in the South Caucasus: The Turkish-Russian Joint Monitoring Center // Постсоветские исследования. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 127-129.
- Savicheva E.M.* Izrail'sko-azerbajdzhanskie otnosheniya v kontekste geopoliticheskoy situacii na Juzhnom Kavkaze // V sbornike: Regional'naja politika, politicheskaja geografija i geopolitika: istorija i sovremennost': Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 20-letiju kafedry regional'noj politiki i politicheskoy geografii, SPbGU, Sankt-Peterburg, 22–23 aprelja 2022 goda / pod redakciej N.M. Miheevoj i N.V. Kaledina. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'stvo VVM», 2022. S. 189-197.
- Shaffer B.* Iran's policy toward the Caucasus and Central Asia // Central Asia-Caucasus Analyst. 2022. P. 1-8. <https://www.cacianalyst.org/resources/220817-FT-Iran.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы. Москва, Россия. (E-mail: agazade-mm@rudn.ru)

Mirmehdi M. Aghazada, PhD in History, Senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after P. Lumumba. Moscow, Russia. (E-mail: agazade-mm@rudn.ru)